

Когда Цзи Ло закончил обсуждать с Хан Сиэнем возвращение в столицу, разговор иссяк. Во дворике воцарилось молчание. Наследный принц, которому эта гнетущая тишина была не по нутру, с трудом подавил желание ослабить воротник и нарушил паузу:

— Я расположился по соседству. До отъезда ещё есть время, так что, если мы что-то упустили, всегда успеем обсудить.

Хан Сиэнь в ответ лишь слегка улыбнулся и мягко произнёс:

— Ваше Высочество только прибыли в Сицзян. Дорога была долгой и утомительной, вам необходимо как следует отдохнуть.

Цзи Ло прекрасно понимал, что это лишь дань вежливости, но всё равно подумал: когда Хан Сиэнь желал проявить учтивость, его слова — вопреки вечной холодной надменности во взгляде — необъяснимо грели душу.

С этой мыслью Наследник поднялся, послушно следуя совету хозяина. Он вежливо кивнул стоявшему неподалёку Бай Шу, который пристально за ним наблюдал. Юноша едва заметно повёл бровью, но лицо его осталось бесстрастным.

Вообще-то, учитывая, что покойный господин Бай Цзюнь состоял в греховной связи с Вдовствующей императрицей и косвенно погубил Ван Ина — императорского благородного супруга и отца Цзи Ло, — принцу следовало бы питать к братьям Бай понятную неприязнь. Однако и великий генерал Бай Вэньхань, и младший Бай Шу терпеть не могли своего родственника. К тому же в прошлой жизни Цзи Ло связывала с Бай Вэньханем крепкая дружба, так что никакой вражды между ними не было. Напротив, за последние два года Наследник не раз тайно оказывал братьям покровительство, чем снискал искреннюю преданность старшего из них.

Поистине, пути судьбы неисповедимы.

Скрыв вздох облегчения, Цзи Ло направился к выходу. За всё время беседы он ни словом не обмолвился о мнимой простуде, якобы приковавшей Хан Сиэня к постели. Да и держался Наследник вовсе не как господин перед слугой — в его отношении сквозила теплота, выходящая далеко за рамки обычного долга.

Хан Сиэнь редко мог расслышать чужие мысли, когда дело касалось Цзи Ло, да и гадать, насколько искренне тот себя ведёт, ему не хотелось. Проводив гостя взглядом, он принялся неторопливо, глоток за глотком, пить остывающий чай.

Это был самый дешёвый, грубый лист, который купцы привозили в Сицзян на продажу. Напиток неприятно царапал горло, а тяжёлая горечь оседала на языке, не переходя, как у дорогих сортов, в изысканное сладковатое послевкусие. И всё же юноше нравилось это простое питьё. Горечь всегда оставляет более глубокий след в памяти.

Дождавшись, пока пиала опустеет, Бай Шу шевельнулся и как бы невзначай спросил:

— Хан Сиэнь, скажи... когда нас с братом сослали в Сицзян, в императорском указе ведь было чётко написано, что нам запрещено возвращаться в столицу?

Тот слегка опустил руку, со стуком поставив чашку на стол, и негромко подтвердил его догадку.

Юноша упрямо поджал губы.

— Значит, если я тайно поеду с тобой в столицу и об этом узнает Государь, меня казнят?

Веко Хан Сиэня дрогнуло. Он прищурил свои длинные, холодные глаза:

— А сам как думаешь?

Бай Шу коротко, на удивление весело рассмеялся:

— Мне кажется, не казнят. Ведь ты меня защитишь. Впрочем, обременять тебя я не стану. — Он сделал короткую паузу и добавил уже тише: — Раны мои почти затянулись. Брат, верно, с ума сходит от беспокойства. Схожу сегодня проведаю его, а через пару дней вернусь к тебе.

Не успело затихнуть последнее слово, как гость легко прыгнул с крыльца. Перед глазами Хан Сиэня лишь мелькнула быстрая тень, и в следующее мгновение двор опустел.

Юноша остался сидеть в одиночестве, безучастно наблюдая, как наползающие тени от листвы укрывают его от палящего солнца. Спустя долгое время он шевельнулся, медленно протянул руку к чайнику и наполнил пиалу вновь. Настой успел совсем остыть. С первым же глотком ледяная горечь обожгла нёбо, проникая в самое сердце.

В ту ночь юноша так и не объявился. Хан Сиэнь поначалу порывался приказать слугам вынести из спальни лишнюю кушетку. Однако он тут же вспомнил, как пару дней назад, посчитав гостя окончательно выздоровевшим, велел убрать постель, а упрямый мальчишка без лишних слов приволок ложе обратно. Подумав об этом, Хан Сиэнь мысленно махнул рукой и промолчал.

На следующий день беглец тоже не появился. Зато Наследный принц, наспех собравшись, отбыл с инспекцией в военный лагерь Сицзяна. Там он провёл несколько дней. Благодаря деятельной поддержке великого генерала Лю Хучэна, Цзи Ло быстро завоевал доверие офицеров. За это время он нанёс визит в казематы к арестованному заместителю командующего Чжоу Жаню, однако истошные крики заключённого о своей невинности попросту проигнорировал.

Поднявшись на коне на самую вершину Склонов Цветущей Сливы, Цзи Ло долго всматривался в простиравшиеся за горизонтом земли враждебного государства Сижун. Ветер нещадно трепал его волосы. Указав хлыстом вдаль, Наследник с юношеским пылом обратился к

сопровождавшему его военачальнику:

— Генерал Лю, настанет день, и наш клинок заставит Сижун уяснить: границы Великой Чжоу священны и неприкосновенны!

Лю Хучэн поспешил выразить согласие, не поскупившись на витиеватые похвалы столь высокому и благородному устремлению. Впрочем, излишне подобострастный ответ генерала лишь разочаровал принца. Он подумал, что будь на его месте Бай Вэньхань, тот ни за что не отделался бы дежурной лестью.

Выкроив свободный час, Цзи Ло нанёс визит самому Бай Вэньханю. Генерал встретил его со всем почтением, однако за безупречными манерами крылись холодность и настороженность. Чуждость объяснялась тем, что они едва знали друг друга, а настороженность — слишком тёмным прошлым их отцов. Один был будущим повелителем, второй — его подданным. В понимании Бай Вэньханя, столь двусмысленное положение требовало соблюдения строгой дистанции.

Вспомнив, какими разными дорогами вела их судьба в обеих жизнях, Цзи Ло удержал рвущийся из груди вздох сочувствия к ничего не подозревающему офицеру. Принц не стал делиться с ним планами великих свершений, лишь спросил с мягким участием:

— Бай Вэньхань, скажи честно: как тебе жилось все эти годы на дальнем рубеже?

Тот поспешно преклонил колено:

— Благодарю за заботу, Ваше Высочество. Ваш покорный слуга ни в чём не знал нужды.

Наследный принц кивнул и, устремив взор на синеющие в дымке горные хребты, негромко произнёс:

— Вот и славно.

Иной выбор рождает иную долю. Провести жизнь в покое, без столичных интриг и вечной борьбы за выживание — быть может, в этом и кроется подлинное счастье.

Не сумев разгадать скрытый смысл этих слов, генерал украдкой взглянул на гостя. Улыбка принца показалась ему горькой и незащитной. Мысленно подивившись, отчего без пяти минут владыка Поднебесной предаётся унынию, Бай Вэньхань вспомнил о безрассудном поведении младшего брата, и у него так разболелись зубы от досады, что он едва сдержал гримасу.

Решившись, он шагнул вперёд и почтительно склонился:

— Ваше Высочество, у вашего слуги есть нижайшая просьба.

Цзи Ло с любопытством взглянул на него:

— Что за просьба? Говори.

\*\*\*

Когда Цзи Ло вернулся из расположения войск на Заставу Небесных Врат, за ним следом притащили забранную в решётки телегу с запертым внутри Чжоу Жанем. Первостепенной задачей принца было оглашение императорского указа и личное ознакомление с положением дел на рубежах. Что касается преемника на пост генерал-губернатора Сицзяна, то после долгих бесед с Лю Хучэном подходящая кандидатура была наконец утверждена. Всё складывалось на редкость удачно.

Спустя два дня Наследник объявил о скором отъезде в столицу. Вместе с тем из-под домашнего ареста был наконец выпущен пятый принц Цзи Хуай.

Затворничество изрядно потрепало нервы Цзи Хуаю. На собственной шкуре он прочувствовал, каково приходилось его матери, добродетельной наложнице Хан Юнь, томящейся в заточении в дворцовых покоях. Проводить дни в глухой изоляции, без единой живой души, без права сделать шаг за порог — в четырёх стенах его не покидал липкий, сводящий с ума страх. Пятый принц с содроганием думал, что лишился бы рассудка, продлись это мучение дольше. Жгучее солнце заливало мощёный двор ярким светом, но при мысли о неопределённой участи, ждавшей его в столице, Цзи Хуай зябко поёжился. Его будущее тонуло в непроглядном сумраке.

Ни Хан Сиэнь, ни Наследный принц так и не удостоили Цзи Хуая прощальной аудиенции. Едва отдав приказ к выступлению, Цзи Ло без лишних проволочек покинул крепость.

Великий генерал Лю Хучэн во главе штабных офицеров вызвался проводить высочайших гостей до ворот. Наследник тепло и учтиво распрощался с ними, в то время как Хан Сиэнь сослался на недомогание и даже не соизволил показаться из паланкина.

Провожая взглядом позорные повозки с Цзи Хуаем и бывшим заместителем командующего Чжоу Жанем, Лю Хучэн предавался невесёлым размышлениям. Когда маркиз только прибыл в эти края, его сопровождал высокородный отпрыск императора, и на границе царил хрупкий покой. Теперь же Сицзян лишился сразу двух высших чинов, а знатный юноша, въезжавший на заставу полноправным гостем, возвращался в столицу закованным в кандалы мятежником. Время неумолимо вершило свой суд.

Обратный путь не чета был дороге на границу, когда спасательный отряд летел во весь опор. Теперь, подстраиваясь под неспешный ход паланкина больного Хан Сиэня, кавалькада двигалась размеренно и чинно. Наследника такая медлительность ничуть не тяготила. Он даже самолично велел возницам сдерживать лошадей, на что Хан Сиэнь лишь безмолвно кривил губы в усмешке, наблюдая за его уловками из-за занавески.

Едва отряд миновал рубежи Сицзяна, путники остановились на ночлег на казённом почтовом дворе. В час ужина Цзи Ло негромко постучал в двери покоев маркиза.

Окинув ледяным взглядом вошедших, Хан Сиэнь уставился на Наследника. Тот собственной персоной привёл за собой Бай Шу, обряженного в скромное платье простого слуги. С самым простодушным и доброжелательным видом Цзи Ло заговорил:

— Младший господин Бай на редкость искусен в ратном деле. Я подумываю со временем доверить ему командование императорской гвардией, но везти его прямиком во дворец сейчас не с руки. Пусть пока побудет при тебе под видом личного телохранителя.

Хан Сиэнь бесстрастно отозвался:

— Отдаст ли Ваше Высочество отчёт в своих действиях? Вы — лишь престолонаследник, но никак не государь. Вы самовольно и в тайне переписали высочайшую волю, начертанную на императорском шелке. Помыслите сами, что станется с Наследным принцем, если сей подлог выплывет наружу?

— Ничего не станется, — с лица Цзи Ло мигом слетело напускное добродушие.

Это была первая и единственная просьба, с которой великий генерал Бай Вэньхань обратился к нему лично — вывезти младшего брата подальше от границы и вверить заботам Хан Сиэня. Наследник дал слово, будучи твёрдо уверенным, что суровый маркиз ни за что не допустит, чтобы взбалмошному мальчишке отрубили голову по государеву указу.

Хан Сиэнь перевёл взгляд на Бай Шу, который скромно потупился, разыгрывая из себя саму покорность, и мысленно вздохнул. Разумеется, маркиз с самого первого дня знал, что беглец околачивается при обозе. Цзи Ло намеренно держал его поодаль всю дорогу и решился явить пред светлые очи лишь теперь, когда они покинули опасные рубежи.

В столичных кругах лицо младшего сына господина Бая примелькалось слишком многим. За каждым шагом Наследника велась неусыпная слежка, и прятать беглого преступника в его свите было безумием. Другое дело — Хан Сиэнь, безвылазно сидевший в четырёх стенах своего поместья.

Маркиз мог бы наотрез отказаться принимать незваного гостя, приведённого Наследником, однако Цзи Ло не ошибся в своих расчётах: раз уж Хан Сиэнь однажды вытащил мальчишку с того света, бросать его на плаху теперь было бы верхом бессмыслицы.

Наконец Хан Сиэнь уступил:

— Пусть остаётся.

Глаза Бай Шу мгновенно счастливо заблестели, и он радостно выпалил:

— Хан Сиэнь, я буду защищать тебя не щадя жизни!

Глядя на этих двоих, Цзи Ло невольно вспомнил предостережения великого генерала. Его взор

затуманился, а в душе шевельнулась лёгкая грусть, которая, впрочем, быстро сменилась привычным хладнокровием.

Таким образом, Бай Шу прочно обосновался при маркизе. Их совместное житьё во многом напоминало приграничные дни: подолгу оставаясь наедине, они могли часами не обмениваться ни единым словом, но это молчание никого из них не тяготило.

\*\*\*

Черепашьим шагом кавалькада в конце концов добралась до стен столицы. По пути следования чиновники из окрестных провинций без конца наносили визиты вежливости и непременно спрашивали о здоровье знаменитого маркиза. Однако Хан Сиэнь упрямо ссылаясь на хрупкое здоровье и затворял двери перед любым посетителем, заставляя Наследного принца раз за разом придумывать для него благовидные предлоги.

Едва миновав городские ворота, путники направились не в свои роскошные усадьбы ради долгожданного отдыха, а напрямик в императорский дворец — на аудиенцию к Сыну Неба.

Когда Цзи Ло и Хан Сиэнь покидали паланкины у ворот, дворцовая стража немало подивилась, узрев подле Наследника статного, утончённой красоты юношу. Гвардейцы вовсю гадали, кем же приходится этот таинственный незнакомец будущему императору, пока не услышали, как Его Высочество окликнул его: «Наследник Хань». Стоило стражникам сообразить, о ком именно идёт речь, как их лица вытянулись от изумления.

Неужели это действительно был тот самый грозный и безжалостный Хан Сиэнь? Да разве такое возможно?!

Столичные чертоги ломились от изысканных красавиц и наложниц, но юные слуги уже не помнили ушедшего в небытие императорского благородного супруга Ван Ина, чьё величие некогда гремело на всю страну. Младшие евнухи и служанки, до которых весть о возвращении маркиза Вечного Покоя ещё не дошла, строили догадки, почитая статного гостя за какого-нибудь особо доверенного уездного чиновника.

И только старший евнух Юань Бао, застывший на карауле у дверей Императорского кабинета, при виде приближающегося Хан Сиэня вытаращил глаза в немом потрясении. В душе его поднялась буря противоречивых догадок. Первая мысль, промелькнувшая в его искушённом разуме, была о том, где же Наследнику удалось отыскать юношу, столь разительно схожего чертами с покойным Ван Ином. Юань Бао лихорадочно соображал, какие тёмные интриги затеял принц, приведя это живое воплощение прошлого пред очи стареющего императора.

Заметив этот оценивающий взгляд, Хан Сиэнь смерил евнуха насмешливым прищуром ледяных глаз. Юань Бао внутренне похолодел от ужаса, однако натренированная за долгие годы маска угодливой улыбки даже не дрогнула на его лице.

Цзи Ло шагнул вперёд и вежливо обратился к слуге:

— Почтенный Юань Бао, соблаговоли доложить Его Величеству, что Наследный принц и наследник герцога Хань прибыли и просят высочайшей аудиенции.

— Счастливая весть о скором прибытии Вашего Высочества и молодого маркиза достигла дворца ещё на рассвете. Государь изволит томиться в ожидании... — привычно пропел евнух, но тут осёкся. Переведя ошеломлённый взгляд с Цзи Ло на безмолвного юношу подле него, он в изумлении выдохнул: — Полноте... Неужто вы и впрямь... Наследник Хань?!

Юань Бао уже готов был сорваться на глупый вопрос о том, где же скрывается обещанный маркиз, но стоило Наследнику уважительно расступиться, пропуская спутника вперёд, как до слуги дошла страшная правда. Человек, представший перед ним — живой портрет прекраснейшего из наложников прошлого, — и был тем самым невыносимым, ядовитым Хан Сиэнем. Припомнив крутой и совершенно непредсказуемый нрав молодого дворянина, почтенный евнух ощутил, как у него подкашиваются колени.

Издав пренебрежительный смешок, Хан Сиэнь без лишних церемоний обошёл застывшего столбом Юань Бао и уверенным движением распахнул тяжёлые створки резных дверей, шагнув в прохладу Императорского кабинета.

Не успели двери за его спиной закрыться, как маркиз преклонил колена пред императорским тронем. Без малейшего колебания он принялся виниться во всех грехах, тут же выложив Слышащему Небеса всю правду о том, как Наследный принц вопреки высочайшей воле вывез из ссылки государственного преступника Бай Шу.

Следовавший по пятам Цзи Ло оцепенел, не веря собственным ушам. Этот безумец Хан Сиэнь только что хладнокровно выдал его с головой и донёс на него собственному отцу!

Сам же виновник переполоха даже не обернулся, чтобы взглянуть на ошарашенного сообщника. В конце концов, если Хан Сиэнь без зазрения совести доносил императору на родного отца, герцога Хан Чжо, стоило ли ожидать, что он проявит пощаду к кому-то другому?

<http://bllate.org/book/20088/2002095>